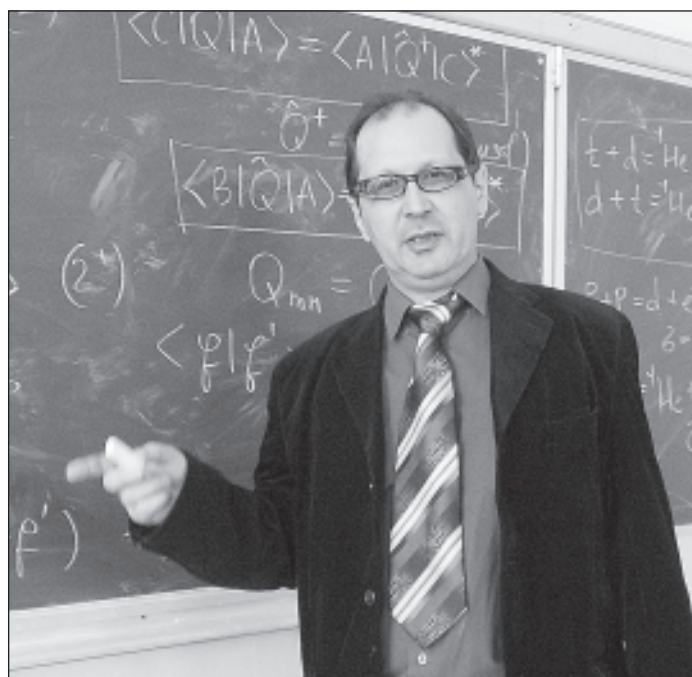

персона

Мурат Хоконов: «Наука не может замыкаться в рамках одной страны»

Гость нашей рубрики – Мурат Хоконов, доктор физико-математических наук, профессор, заслуженный деятель науки КБР. В узких кругах он также известен как исполнитель адыгских эпических песен на классической гитаре и человек, который может спеть на хорошем английском чуть ли не весь репертуар «Led Zeppeлин».

– Мурат Хазреталиевич, каково быть учёным в современном Нальчике?

– Учёным в нашем регионе есть где работать и что делать. Наша задача не потерять созданное до сих пор трудом двух-трёх поколений.

В любой точке земного шара, в том числе и в Нальчике, состояние науки определяется общецивилизационным статусом региона. И наоборот, этот статус, прежде всего, определяется состоянием науки. То есть, количеством научной продукции, которую генерирует регион за, скажем, один год.

Научная продукция определяется одним универсальным показателем – научными статьями и монографиями, опубликованными в признанных мировых журналах и включённых в так называемые базы научного цитирования Web of Science и Scopus. Первая из этих баз является определяющей, а в развитых странах – единственной. Это количественный показатель. Есть качественный показатель, это количество цитирований на работы из данного региона в журналах из указанных баз. Есть и показатель эффективности отдельного учёного, это так называемый импакт-фактор журналов, в которых процитированы его статьи. Поэтому современная наука не может быть чисто региональной или замыкаться рамками одной страны.

Цивилизационный уровень региона включает в себя более широкое понятие: состояние системы образования, экономические и социальные показатели, например, система здравоохранения. Так вот, по научным показателям наш регион выглядит на федеральном уровне неплохо. В частности, по числу публикаций, индексируемых в базе Scopus, в расчёте на 100 педагогических работников, наш университет – КБГУ, имеет показатель 20.72, тогда как у среднего опорного вуза в стране этот показатель – 16.34. При этом мы отстаём по такому важному показателю как средний балл ЕГЭ абитуриентов, зачисленных на первый курс.

Но в целом КБР остаётся наукоёмким регионом. У нас есть Научный центр Российской академии наук (РАН), Высокогорный геофизический институт, уникальная Баксанская нейтринная обсерватория РАН, другие научные организации с высоким статусом.

– Каковы перспективы у выпускника физфака КБГУ?

– Наши выпускники редко остаются невостребованными на рынке труда. В школах республики хронически не хватает учителей физики. Для желающих заниматься наукой есть возможность работать в научных учреждениях.

Студенты-физики – единственные в КБГУ, у кого есть возможность перевестись на бюджетной основе в Московский инженерно-физический институт (знаменитый МИФИ). Чтобы туда поступить по

результатам ЕГЭ, надо иметь средний балл выше 90, а у нас после окончания 2-го курса хорошо успевающий студент может перевестись на 3-й курс МИФИ. Такое сотрудничество с московскими коллегами сложилось у нас более 40 лет назад.

Традиционно наши выпускники востребованы и в силовых структурах, где занимают ответственные должности. Сейчас активно «сватают» кадровики производств, где есть высокотехнологичное оборудование. Это могут быть предприятия по хранению и переработке сельскохозяйственной продукции, компьютерное обеспечение работы сложных систем, медицинское оборудование. У нас, первыми в России, была открыта в 2001 году специальность «медицинская физика». Только надо сразу оговориться, что мы не готовим врачей, и наши выпускники – медицинские физики не имеют права лечить больных. Они обслуживают всё, что связано с медицинским оборудованием.

– Каково ваше отношение к ЕГЭ?

– Я противник ЕГЭ в существующей форме и считаю, что эта система себя не оправдала. Её сторонники иногда приводят в пример развитые страны, где есть аналоги ЕГЭ. Но их доводы рассчитаны на тех, кто в этих странах не был, не работал и не знает, как это выглядит.

Главное противоречие в Едином государственном экзамене: если ребёнок хочет поступать, то ему нужны только три дисциплины. Он, в принципе, может и не заниматься другими дисциплинами. Общеобразовательная школа теряет тем самым свой смысл. При поступлении в вуз все эти три дисциплины имеют одинаковый статус независимо от специфики специальности. Это создаёт проблему, особенно в ведущих вузах, таких, как Физтех, когда человек с более высокими баллами по физике и математике уступает тому, у кого эти баллы ниже, но выше балл по русскому языку.

В других странах ЕГЭ сдаётся по всем дисциплинам, а вес каждой дисциплины при поступлении учитывается в зависимости от специальности. То есть все дисциплины играют роль при поступлении, но особенно те, которые соответствуют специальности. В СССР аналогом этого был учёт среднего балла аттестата.

Есть претензии экспертов к содержательной части заданий ЕГЭ. По физике и математике экзаменационные задания адекватные, а по гуманитарным предметам – нет. Коррупционная составляющая всё равно присутствует. В этом смысле у ЕГЭ нет никаких преимуществ перед системой со вступительными экзаменами. Просто произошло перераспределение потока коррупционных денег. Возможность для ученика выбрать вуз для поступления – это, на мой взгляд, единственное оправдание для существующей

системы ЕГЭ, но негативные факторы перевешивают.

– Часто слышим возмущение: «Почему на рекламных баннерах нет музыкантов, олимпиадников? Одни спортсмены и политики»...

– Наверное, потому, что у нас в республике развит спорт высших достижений, чего нельзя сказать о других сферах деятельности. У нас есть олимпийские чемпионы, чемпионы мира и Европы. Даже если бы у нас были победители и призёры Всероссийской олимпиады школьников (ВОШ), которых у нас сегодня нет, то даже в этом случае они выглядели бы очень скромно на фоне достижений наших спортсменов. Это наша сильная сторона и терять достижения в спорте нам никак нельзя. Другое дело, надо развивать и другие сферы.

В конце 1990-х годов у нас в республике прекратилась целенаправленная подготовка школьников-олимпиадников. Именно в то же время в Адыгее начал создаваться ныне знаменитую на всю страну математическую школу для одарённых детей. Сейчас она курирует математику в центре для одарённых детей «Сириус» в Сочи.

Две спецшколы Нальчика (2-я и 3-я) фактически утратили свой статус. Система повышения квалификации учителей откровенно слаба. Положительным является создание детской академии творчества «Солнечный город». Хорошо работает Дворец творчества детей и молодежи. Но в целом, в республике имеются большие проблемы с детским дополнительным образованием. Будучи членом Общественной палаты КБР первых трёх созывов, я имел возможность убедиться в этом.

– Вы выступили за изучение предметов в начальной школе на родных языках. Что для вас родной язык?

– Надо понимать такую вещь, что на всём земном шаре нигде в мире не изучают в школах кабардинский и балкарский языки. Нигде в мире, кроме Кабардино-Балкарии. Исчезновение любого языка – это потеря для культуры всей человеческой цивилизации. Не надо верить в миф, что, мол, исчезновение языков малых народов неизбежно. Да, есть исчезающие языки и, отнюдь, не малых народов. Наоборот, в целом, цивилизация развивается в таком направлении, что число языков на земном шаре растёт пропорционально населению. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на дерево языков. Когда-то более или менее единый древнеславянский праязык превратился в множество языков, которые различаются достаточно сильно – от чешского до русского. Глобализация не есть главная угроза существованию языков.

Вопрос сохранения кабардинского и балкарского языков сегодня не стоит и в обозримом будущем стоять не будет.

В этом я полностью согласен с мнением выдающегося учёного-филолога, профессора Мухадины Абубекировича Кумахова. Стоит вопрос о сохранении литературного языка.

Миссия учителей родных языков не просто учить детей языку. Способствуя сохранению наших уникальных языков, они вносят свой вклад в общемировую культуру. Учителя физики и математики есть во всём мире, а вот кабардинскому и балкарскому языку учат только на этой маленькой территории.

Тезис о добровольном изучении родных языков равносителен призыву исключить родные языки из системы образования. Сделайте, например, добровольной любую дисциплину, скажем, физкультуру, и посмотрите, сколько родителей захотят, чтобы их дети ходили на физкультуру. Физкультура будет не запрещена, но исключена из системы образования, так как с большой вероятностью на физкультуру будет ходить лишь небольшое число детей – будущих спортсменов. Нигде в мире система образования не строится на «хотелках» самих обучающихся. Конечно, их мнение тоже учитывается, но есть набор дисциплин, изучение которых является обязательным и закрепляется документом при окончании школы. Родные языки, безусловно, должны входить в этот перечень.

Кроме культурно-этнического, гуманитарного аспекта, эта проблема имеет и другую сторону. Ребёнок, придя в 1-й класс, должен обучаться на том языке, который он хорошо понимает. Если этого не происходит, то у ребёнка может необратимо исчезнуть природный инстинкт познавать новое.

Что касается незнания родных языков частью наших сограждан, то такое случилось в истории многих народов в определённые периоды, но потом исторические обстоятельства менялись, и всё становилось на свои места.

– Вы исполняете пшинатли (адыгские эпические песни) на гитаре. Откуда такой интерес?

– Интерес к нартскому эпосу, адыгским старинным песням и мелодиям у меня с детства. Гитара неплохо воспроизводит исконно адыгский, и вообще, кавказский звук. По конструкции гитара напоминает такие инструменты, как апапшина и пандур. Привычная на Кавказе гармошка появилась в конце 19 – начале 20 веков. А струнные инструменты были всегда. На апапшине аккомпанировали именно нартский эпос, когда пение больше сводилось к речитативу, а основная эмоциональная нагрузка приходилась на текст и монотонное, строго ритмическое исполнение, создающее гипнотический психоделический эффект. Песней такое произведение назвать нельзя. Это пшинатли, то есть длинное повествование в стихотворной форме, исполняемое в музыкальной форме.

В советское время регулярно транслировались старинные кабардинские песни в исполнении таких классиков, как Кардангушев Зарамук, Куниев Хаждадь, Алоев Люта, Хавпачевы Амирхан и Хасан, Назаров Маша, Бжамбеев Гузбер, Тхагалегов Джеру, Шаожев Ельмирза, Закуреев Бетал, Балкаров Тали, Шавкуш Гали, Ширк Михаил, Джагута Мухамед, Отаров Анатолий и многие другие. Все они оказали на меня влияние и у меня есть аудиозаписи их исполнения.

Сейчас у нас в республике есть множество молодых исполнителей, которые, на мой взгляд, исполняют именно так, как надо. А надо исполнять, как это описал во второй половине 19-го века Адиль-Гирей Кешев в своей знаменитой работе «Характер адыгской песни». В этом смысле современные исполнители (Еуаз Зубер и другие) исполняют даже лучше, чем «старые» классики. Так что, в этой сфере есть повод для оптимизма.

Беседовала Марьяна Бчесокова